

Шерлок Холмс в России

Антология
русской
шерлокианы

Том 3

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**

Salamandra P.V.V.

ШЕРЛОК ХОЛМС В РОССИИ

**Антология русской шерлокианы
первой половины XX века**

Том 3

Составление, вступ. статья
и комментарии А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Шерлок Холмс в России: Антология русской шерлокианы первой половины XX века. Том 3. Сост., вступ. статья и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 276 с., илл. — (Новая шерлокиана).

В антологии впервые собрана русская шерлокиана, опубликованная в период с начала XX в. и до Второй мировой войны. В это масштабное по полноте и широте охвата издание включены вольные продолжения и пастиши, пародии и юмористические рассказы, истории о приключениях Шерлока Холмса в городах и весях Российской империи и Советского Союза и статьи критиков и интерпретаторов. Многие произведения переиздаются впервые.

© Authors, estate, 2019

© A. Sherman, состав, предисловие, комментарии, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

Владимир Тихонов

СЫЩИК

— Ну, так что ж? Ну, увлекается! Ну, и пусть себе увлекается! Хуже было бы, если бы в его возрасте, да он ничем не увлекался, — говорил седой, как лунь, но бодрый и свежий еще отставной генерал, Лев Сергеевич Буртасов, сидя на веранде своего деревенского дома и покуривая послеобеденную сигару.

— Да, но тут именно вопрос в том: чем увлекаться? — сдержанно возражал ему Александр Львович, его сын, очень корректный господин лет сорока, одетый в новенький летний костюм.

— Увлечение увлечению — рознь, — как эхо своего мужа, отозвалась полная и еще красивая жена его, Лидия Николаевна.

— Совершенно верно-с! Совершенно верно-с! — начал опять генерал. — Я и мои сверстники, в его возрасте, увлекались «казаками и разбойниками»; ваше поколение — героями Майн-Рида и Фенимора Купера, а сын ваш...

— Я никогда не увлекался «краснокожими братьями» и даже в играх не любил снимать скальпы, — улыбаясь, проговорил Александр Львович, кладя докуренную папиросу в стоявшую возле него пепельницу.

— Что ж, очень жаль! — буркнул генерал и хлопнул три раза в ладоши. — Принеси еще чашку кофе! — приказал он выскочившему из дома на этот сигнал мальчику в ливрейной куртке. — Что ж? Одно только могу сказать, — очень жаль, — заговорил он опять, — что ты никогда ничем не увлекался. Увлечение так же свойственно молодости, как не свойственно оно старости. Но мы говорим не о тебе, и я повторяю: пусть Левушка увлекается! Не бойтесь этого, это хороший признак.

— Но я опять скажу, увлечение увлечению — рознь, — повторил уже слова жены Александр Львович.

— Ах, черт возьми! — уже рассердился старик. — Да что же постыдного в его увлечениях? Вот, моим героем был Ринальдо Ринальдини, а героем Ивана Михайловича еще того

хуже — свирепый Шиндерганнес. Ну, и что же? Это не помешало мне честно сослужить мою службу царю и отечеству, а Ивану Михайловичу сделаться не только одним из самых блестящих генералов, но и видных администраторов. И чем же его герой хуже... как его там зовут?

— Шерлок Холмс! — подсказала Лидия Николаевна.

— Ну да, так вот, этот Шерлок Холмс, ну чем же он хуже Шиндерганнеса?

— Detective, — вздохнула Лидия Николаевна.

— Сыщик, — в тон ей проговорил ее муж.

— Ах, все это слова, слова и слова! Ну, что такое detective, сыщик? А твой фениморовский «Следопыт?» Разве не такой же сыщик? — горячился генерал, обращаясь к сыну и совершенно забывая, что тот только что отрекся от всех куперовских героев. — Я вот прочитал этот роман, который вы отобрали у Левушки, как он там... черт его... называется? «Собака» какая-то. Ну, и что ж, ну, и нашел, что этот Шерлок Холмс прямо-таки молодчина! Умный, ловкий! Да этого мало! Еще и храбрый к тому же.

— Да, в современной Англии detective является героем! — вставил Александр Львович.

— Что ж такого? Раз разрушители порядка могут быть героями, то почему же охранителей его не считать таковыми же?

— Сыщик и герой — как-то плохо вяжется одно с другим, — с презрительной гримасой проговорил Александр Львович.

— Ах, господа либералы! Господа либералы! Какие же вы все, однако, консерваторы! — буркнул старик и сердито принялся размешивать сахар в поданной ему чашке кофе. — Для вас ярлычок, кличка — это все! Надели вам на глаза шоры, и не смей смотреть ни направо, ни налево! И как мало кличек-то у вас, как мало ярлычков! Удивительно это облегчает дело! Да, но и суживает мысль! Не забывайте вы этого, пожалуйста! Суживает мысль! А мысль должна быть свободна! Вот что-с!

— Кто же с этим спорит? — усмехнулся сын.

«Ты споришь», — хотел было сказать старик, но махнул рукой и замолчал.

— Видеть в ребенке развивающуюся страсть к раскрытию тайн — крайне несимпатично! — медленно заговорила Лидия Николаевна,

Но генерал не дал ей договорить.

— Пытливый ум! Пытливый ум — вот и все-с! — почти закричал он. — Что такое раскрытие тайн? Все мы должны стремиться к раскрытию тайн природы, тайн непостижимого, тайн неведомого, тайн просто даже незнакомого нам. Это только свидетельствует, что у мальчика пытливый ум — вот и все!

— Ну, с этим пытливым умом можно далеко пойти! — усмехаясь, заметил Александр Львович.

Генерал сердито взглянул в его сторону и опять замолчал.

Наступила довольно томительная и долгая пауза, как это часто бывает у собеседников, не понимающих друг друга; а они, т. е. старый генерал и его сын, видный петербургский чиновник, вместе с его женой, видимо, совсем не понимали друг друга. Старик чувствовал, что он горячится, и, желая перевести разговор на другую тему, навел ее опять на тот же вопрос.

— Я не понимаю, — заговорил он, поглядывая на старый, тенистый сад, развертывавшийся сейчас же перед верандой. — Не понимаю, зачем вы отказали этому англичанину? Он мне очень нравился. Бравый малый!

— С этим я не спору, — сказал Александр Львович, — но, во-первых, мы ему не отказывали, а он сам пожелал вернуться в Лондон...

— Прибавили бы жалованья, так остался бы! — буркнул генерал.

— А во-вторых, — продолжал Александр Львович, пропуская замечание отца мимо ушей, — он был недостаточно образован для своей роли. Левушка растет, и ему нужен более интеллигентный собеседник.

— Не знаю, может быть, может быть! Знаю только, что прошлым летом, когда вы гостили у меня, я был им очень

доволен. Он выучил Леву ездить верхом, отлично плавать, был с ним постоянно на воздухе, и ребенок замечательно окреп и развился за прошлое лето. А нынче вы моего внука опять мне привезли каким-то заморышем.

— Да, мистер Футвой очень хорошо влиял на физическое развитие Левы, но духовное... — начала было Лидия Николаевна.

Но на этот раз уже муж перебил ее.

— Теперь мы взяли ему русского молодого человека, и я не думаю, чтобы поступили опрометчиво, — заговорил он. — Конечно, русский лучше откроет ему и сущность русской жизни, и сердце русского народа. А его теперешний наставник, Хоботов, сам вышел из этого народа, и беседы его, конечно, для Левушки будут полезнее, чем чтение романов Конан-Дойля.

— Может быть, может быть! — как бы сдавался генерал и, допив вторую чашку кофе, он встал и, сказав: «Ну, теперь я пройдусь!» — стал спускаться с веранды в сад бодрой походкой хорошо сохранившегося старика.

II

— Де-е-д! — крикнул ему звонкий детский голосок из глубины густой аллеи.

Глаза старого генерала заиграли ласковой улыбкой.

— Лева-а! — откликнулся он в тон бежавшему к нему навстречу худенькому мальчику лет двенадцати, и сейчас же запел:

«Uncle Bill, how do you do?»

— I am very well and how are you? — пропел ему в ответ Лева и, подбежав к деду, схватил его за руку.

Песенку эту и старика, и внука его выучил петь еще в прошлом году англичанин Футвой, и оба они, сколько бы раз на дню ни встречались, приветствовали неизменно друг друга этими словами.

— Ну, что, играешь? — спросил генерал.

— Играю, — весело отозвался мальчик.

— В «Следопыта»?

— Нет, — как-то загадочно улыбнулся Лева и, в такт шагу раскачивая руку деду, пошел с ним рядом.

— Ну, а во что же? — спросил тот.

— Это только тебе на ухо, — шепнул мальчик и поднялся на цыпочки.

— Да не надо! Я и так знаю.

— А ну?

— В Шерлока Холмса.

Мальчик расхохотался.

— Ты замечательный угадчик, дед! Из тебя бы вышел прекрасный...

— Detective? — договорил за него генерал.

— Yes, — подтвердил Лева.

Они в это время проходили мимо скамейки, на которой с книгой в руках сидел молодой человек, одетый в простенькую летнюю парочку. Он мельком взглянул на них и опять углубился в чтение.

— Каков? — спросил генерал внука, когда они отошли настолько от молодого человека, что он не мог бы их расслышать.

— Он хороший, — серьезно заговорил двенадцатилетний Левушка. — Знаешь, дед, он очень честный и серьезный.

— А тебе с ним не скучно?

— Нет, — ответил, подумав немного, мальчик.

— Ну, а с Футвоем веселее было?

— Ну! Футвой! Футвой был молодец! Он был такой же маленький, как я.

— Как, такой же маленький? — остановил его дед. — Он был ростом выше меня!

— Ростом-то он был длинный! Но, понимаешь, он был шалун! И когда он играл со мной, то, понимаешь, играл совершенно так же серьезно, как и я.

— А этот не играет?

— О, нет! Павел Федорович умный! Да ведь и мне уже пора переставать играть, потому что...

Но мальчик вдруг оборвался и, шепотом сказав: «Стой!» — присел на корточки.

— Ты что это? — спросил его дед, тоже нагибаясь над чем-то, что рассматривал Левушка.

— Ты видишь это? — спросил мальчик.

— Вижу.

— Что это такое?

— Это? Это, кажется, кусок навоза.

— Верно, — подтвердил Левушка и, глядя снизу на деда, спросил: — Ну, и что же из этого следует?

— Не знаю, — пресерьезно ответил тот.

— А видишь ли, из этого следует, что по саду проходил кто-то со скотного двора и занес сюда на каблуке кусок навоза.

— Почему ж на каблуке, а не на чем-нибудь другом?

— Потому что на этом кусочке навоза есть отпечаток каблука, — объяснял Левушка.

— Верно, — подтвердил дед и потом, как бы сообразив что-то, спросил: — А почему ты думаешь, что со скотного двора? А может быть, это кто-нибудь из деревни был?

— Нет, это был со скотного двора, — настаивал Левушка, — потому что деревня отсюда далеко, и навоз должен бы был совершенно просохнуть, а он совсем свежий! А скотный двор в двух шагах отсюда.

— Ну, и что же из этого следует? — в свою очередь спросил генерал.

— А из этого следует, что его нужно искать в числе лиц, бывших приблизительно в это время на скотном дворе.

— Кого «его»? — спросил генерал.

— Ах, Боже мой! Ну, конечно, того, кто совершил преступление, — нетерпеливо уже ответил Левушка,

— А разве кто-нибудь уже совершил преступление?

— Ну, конечно, нет! Но я тебе говорю так, на всякий случай! Как нужно искать, — заключил Лева и, поднявшись на ноги, зашагал опять рядом с дедом, размахивая в такт его рукой.

А старик думал:

«Пытливый ум и большая наблюдательность! Теперь вот он их развивает на вздоре, на пустяках, а впоследствии — кто знает — как это ему пригодится!»

— Послушай, дед! — заговорил мальчик после небольшого молчания. — Скажи, разве это предосудительно быть Шерлоком Холмсом?

— Что за вздор! Конечно, нет! — уверенно ответил генерал. — Не будь Шерлоков Холмсов, сколько бы преступлений осталось нераскрытых. И эти люди — они стражи общественного порядка.

— А ведь это необходимо, чтобы все преступления были открыты? — продолжал допытываться Левушка,

— Конечно, это очень желательно.

— Ну, а почему же и папа, и мама, и вот Павел Федорович — все так нехорошо говорят о сыщиках?

«Потому что они ничего не понимают», — хотел сказать старик, но не сказал, а оставил этот вопрос Левы без ответа.

— Ну, вот, например, кто-нибудь кого-нибудь убил, и я найду преступника, открою его. Ведь это хорошо?

— Хорошо, — подтвердил генерал.

— Ведь он должен же понести свое наказание?

— Должен.

— Ну, вот! А папа, мама, и Павел Федорович — все говорят, что это не мое дело. Почему не мое? Чье же это дело? Ведь вон Шерлок Холмс открыл «Собаку Баскервилей» и поймал преступника. И что же, нужно за это его презирать? Ты знаешь, дед, это я тебе говорю из английского романа. Может быть, этого совсем не было, но если б это было, вот совершенно так же, как это написано? Разве detective Шерлок Холмс поступил нехорошо?

— Какой вздор, конечно, хорошо! — сказал генерал, чувствуя почему-то, что ему самому на этот раз не хочется продолжать этот разговор.

И он, чтобы замаять его, сказал:

— Ну, а на почту, Лева, сегодня поедешь?

— Да, да! Непременно. Мы с Павлом Федоровичем верхом поедем.

— Ну, и великолепно! Я тебе письмо дам, которое ты сдашь в конторе. И я думаю, что вам скоро нужно ехать. И они повернули назад.

III

От усадьбы Буртасова до уездного городка было всего две с половиной версты, и Лева со своим учителем каждый день около шести часов вечера ездили туда верхом на почту. Первых полторы версты нужно было проехать густым Буртасовским лесом, а последнюю версту дорога шла городским выгоном и огородами.

Лева ехал на хорошеньком аренсбургском клеппере. Он ловко сидел в седле, уверенно держал поводья, и его рыжий конек грациозно переставлял свои стройные ноги.

Учитель Левы, Павел Федорович Хоботов, грузно сидел на буром, толстогривом приземистом иноходце.

Проехав первую версту от усадьбы полной рысью, они переменяли аллюр и пустили лошадей шагом. Хоботов снял фуражку и вытирал выступивший у него на лбу пот. А Левушка ехал, как всегда, зорко осматриваясь по сторонам.

В лесу было тихо, только меланхолическая трель иволги переливалась где-то в глубине.

— А дед сказал, что это хорошо! — как бы отвечая на свои мысли, вдруг заговорил Лева.

— Это вы насчет чего? — спросил Хоботов своим молодым, хрипловатым баском.

— Я про Шерлока Холмса, — пояснил Лева.

— А! Все про то же самое! Да кто ж вам говорит, что это худо? Хороший сыщик такая же необходимая единица в общем порядке управления, как и хороший прокурор, только это непочтенно.

— Как, и прокурором быть непочтенно? — удивился Лева.

— Нет, я не про прокурора, я про сыщика. Прокурор — это совсем особь статья, — поправился учитель.

— Да, почему же сыщиком быть непочтенно?

— А потому, что сыщик... сыщик... — подбирая слова и с видимой неохотой говорил Хоботов, — сыщик действует не открытыми средствами, а исподтишка, сам ничем не рискуя...

— Ну, уж извините! — горячо перебил его Лева. — Шерлок Холмс всегда рисковал своей жизнью и ничего не боялся — ни опасности, ни смерти! И я не знаю, почему он не почтенный. Да кроме того, дед сказал, что это хорошо, а если он сказал, так это верно, потому что дед самый умный человек на свете.

Учитель сдержанно улыбнулся, но ничего не возразить.

И они опять поехали молча. Левушка думал про себя:

«Если где-нибудь свершится преступление, я непременно его буду открывать: подберу все клочки бумажек, измерю все следы, ничего не упущу, и уж открою! Непременно открою!»

И он от души желал, чтобы поскорей совершилось преступление.

Они выехали в это время на опушку леса, и весь маленький уездный городок, со своими тремя церквями, был перед ними, как на ладонке.

— Ну! Рысью? — спросил Лева, взглядывая на своего учителя.

— Пожалуй! — ответил тот и чмокнул губами.

И восемь лошадиных копыт дробно застучали по твердой и пыльной дороге. Иноходец учителя шел своей характерной перевалкой; Левушкин клеппер, которого он мысленно не называл иначе, как «Шерлок Холмс», красиво выбрасывал свои ноги, забирая все вперед и вперед.

Солнце уже склонилось к западу, но было еще жарко, и воздух стоял неподвижно.

Вот начались и заборы огородов и глубокие канавы, прорытые возле них.

Левушка посматривал вокруг себя. Одна канавка, прорыв ямку под забором, уходила в глубь огородов.

И на нее взглянул Левушка и подумал, что этим ходом человек может проползти совершенно незамеченным.

Но вот они переехали маленький мостик над высохшим ручейком и въехали в городок. Миновали соборную площадь и, сделав два-три поворота, остановились у крыльца почтовой конторы.

Какой-то мужик подошел к ним и вызвался подержать лошадей. Лева и Хоботов, соскочив с седел и разминая ноги, пошли по ступенькам шаткого деревянного крылечка. Почтовый чиновник в суровом, поношенном кителе, при входе их в контору, почтительно привстал и поклонился.

— Его превосходительству два письма, — заговорил он, направляясь к полке, — и вашему папаше тоже-с! И газеты-с. А от вас что-нибудь будет?

— Да, вот письмо от дедушки, — сказал Лева, подавая письмо.

— Заказное, — прочитал чиновник и, достав книгу, стал выписывать квитанцию.

В это время дверь с шумом отворилась, и человек в мундире почтальона вбежал в контору и, не обращая внимания на посторонних посетителей, почти закричал, обращаясь к чиновнику:

— Иван Никифорович! Ведь убер! Право слово, убер!

— Тише ты! — прикрикнул на него чиновник и потом спросил: — Кто убер?

— Да каторжник-то убер! Право слово, убер! Беглый-то! — уже понижая голос, но при этом как-то оживленно улыбаясь, говорил почтальон.

— Да ну? — удивился чиновник и даже приостановился писать.

— Покарай Бог, убер! Вот, сейчас только! Ух, кутерьма там теперь пошла! Ловить бросились! Страсть!

— Это кто убежал? — спросил Хоботов чиновника.

— Да один беглый каторжник. Вчера только его к нам доставили, а сегодня должны были уже препровождать дальше, а он вот взял, да и того... Тюрьма-то у нас, действительно, того, рухлядь! — добавил он и длинными ножницами аккуратно вырезал из книги квитанцию.

Лева стоял ни жив, ни мертв. Краска ярко выступила на его обыкновенно бледном, худеньком личике, глазенки свер-

кали.

«Я его поймаю! Я его поймаю!» — замелькало у него в голове, и он вдруг начал теревить за рукав своего учителя.

— Пойдемте, пойдемте, пойдемте скорей! — нервно шептал он при этом, и слезы нетерпения готовы были брызнуть у него при виде тех медленных, как казалось ему, движений, с которыми учитель укладывал газеты и письма в висевшую у него через плечо сафьяновую сумку.

Но Хоботов и сам торопился, и руки у него тоже почему-то дрожали.

Протившись с чиновником, они быстро вышли на крыльцо. Мужика, взявшегося подержать их лошадей, и след простыл, но кони их стояли тут же, видимо, наскоро привязанные к забору.

Через минуту они уже быстрой рысью ехали по базарной площади.

Народ бежал к выезду из города. Бежали бабы, что-то кричавшие на ходу; бежали молодые парни с какими-то странно горевшими глазами; бежали, сверкая босыми пятками, ребятишки, и даже степенные люди, и те трусили мелкой рысцой все в том же направлении.

Какой-то фронт писарского обличия, в красном галстуке и в сдвинутой на самый затылок белой фуражке, неся, почти не уступая ходу их лошадей. Лицо его было сердито, глаза куда-то жадно смотрели вперед. Люди бежали, что-то кричали и перекликивались между собой, а между ними, с веселым лаем, вертелись неугомонные дворовые собачонки. Стадо гусей, перепуганное этим всеобщим стремлением, широко раскрыв крылья и пронзительно гогоча, удирало в какой-то переулочек.

Но вот и конец города, вот и выгон справа, а слева огороды.

— Куда побежал-то? — приостанавливая лошадь, спросил Хоботов какого-то старика.

— Вон, вон, туда! К речке! К лознячку-то, значит! — зашамкал старик. — Вон, где солдатики-то бегут!

И он указал рукой на мелькавшие вдали белые солдатские рубашки.

— Чего врешь-то? — вмешалась подбежавшая к ним женщина. — К лесу он ударился! Мой Васька сам видел! Прямо к лесу!

— Твой Васька? — рассердился старик. — А Матрена-то куда говорила? Небось, к речке! Он ее, небось, чуть с ног не сшиб! Дура!

— Сам старый дурак! — огрызнулась баба и вперевалку побежала туда, где белели солдатские рубашки.

Левушка, едва сдерживая своего «Шерлока Холмса» и сам дрожа всем телом, внимательно и сосредоточенно выслушивал все эти «показания». Не без удивления посматривал он и на своего учителя. И его лицо, обыкновенно серьезное, даже скучное, было на этот раз как-то странно возбуждено, и по голосу его было заметно, что и он был чем-то взволнован и, что называется, не в себе.

— Надо к речке! — вдруг сказал он Левушке и сразу в карьер пустил своего иноходца, забирая вправо от дороги, туда, где мелькали белые солдатские рубашки и куда бежал и весь остальной народ.

Левушка поскакал за ним. Вот они перенеслись через высохший ручеек, взлетели на пригорок, и Хоботов повернул еще правее, к какой-то толпе, бежавшей вдаль и что-то громко кричавшей.

Но Левушка, вдруг охваченный каким-то вдохновением, словно подчиняясь какому-то инстинкту, круто повернул своего клеппера и поскакал почти в противоположном направлении.

Хоботов, бывший впереди, не видал этого поворота и скакал один вперед, к речке.

А Левушка, приподнявшись на стремянах, впиваясь глазами вперед, неся к той дороге, по которой они только что проезжали из усадьбы в город, неся к тем огородам, которые граничили слева городской выгон, к той канавке, которая обратила его внимание. Вот, вот, близко уже и дорога, вот, вот и прясло огородов, вот и канава параллельно с ними, вот сейчас и та канавка, которая уходит вглубь. Левушка натянул поводья, чтоб сдерживать своего «Шерлока Холмса», но не успел, клеппер перескочил канавку и боком упер-

ся в самый забор, даже покачнув его.

И Левушка замер.

У его ног, в канаве, лежал страшный, серый человек. Обнаженная, коротко остриженная круглая голова его была как-то странно повернута. Небольшие, светло-серые глаза с ужасом смотрели на этого мальчика, почти повисшего над ним на своей маленькой, рыжей лошадке.

«Он!» — мелькнуло в голове у Левушки, и сердце его мучительно сжалось. Ему стало страшно, но он не мог отвести своего взгляда от этой пары узких, серых глаз, с ужасом и мольбой смотревших на него.

Левушка весь дрожал. Он не мог дышать, и вдруг какое-то непреодолимое чувство жалости охватило всего его. А глаза смотрели с ужасом и мольбою.

Левушка опустил голову, дернул повод, и «Шерлок Холмс», подобравшись, перепрыгнул обратно канавку...

Выехав на дорогу, Левушка осмотрелся. Вокруг не было ни души, только далеко-далеко, возле речки, видно было еще, как бежали люди и кое-где мелькали белые солдатские рубашки.

Левушка повернул лошадь к лесу и шагом поехал вперед, по направлению к их усадьбе, как-то весь съежившись и не оборачиваясь назад. Он уже подъезжал почти к самой опушке, когда увидел всадника, скакавшего к нему справа от реки. Всмотревшись, он узнал в нем своего учителя и в то же время почувствовал какую-то странную боль в левой коленке.

Левушка взглянул на ногу: брюки у него с этой стороны были изорваны, белье — тоже, и на обнажившемся теле была небольшая ссадина,

«Это когда я ударился об забор», — подумал Левушка.

На взмыленном иноходце подсказал к нему Хоботов.

— А я вас ищущу! Куда вы девались? — как-то сконфуженно глядя на мальчика, проговорил он.

— Я упал с седла, — с трудом выговорил Левушка.

— Ушиблись? — забеспокоился учитель.

— Нет. Только брюки изорвал и ногу немножко ссадил.

Хоботов посмотрел ему на ногу и укоризненно покачал

головой:

— Вот видите, как неосторожно! Вам, значит, нельзя еще ездить карьером.

Левушка вскинул глазами на учителя и хотел было ему сказать, что он еще никогда не падал с лошади, но, сделав над собой усилие, сдержался и только закусил губку.

И они шагом, молча, въехали в лес.

— Ну что, поймали преступника? — спросил Лева через минуту, и голос его при этом слегка дрогнул.

— Не знаю... нет... не поймали! Не знаю, впрочем... я... уехал... все это вздор! — как-то заминаясь и конфузясь, проговорил Хоботов, потом, помолчав немного, прибавил: — И знаете, лучше всего, если мы не будем об этом особенно рассказывать дома.

Лева утвердительно кивнул головой.

Вернувшись в усадьбу, они сейчас же прошли в их комнату, и Лева переоделся. Он был очень молчалив и сосредоточен, но Хоботов как-то не замечал этого.

За вечерним чаем, впрочем, он нашел нужным сообщить, что сегодня, когда они были с Левой в городе, там из тюрьмы бежал какой-то арестант, и что весь город бросился его ловить, но поймали ли беглого, — еще неизвестно.

Генерал посмотрел на Леву и улыбнулся себе в усы. Но Лева не заметил этой улыбки: он молча и задумчиво пил свое молоко.

IV

Лева плохо спал всю эту ночь. Его тревожили сны. Ему казалось, что он все время скачет на лошади, вдоль какого-то бесконечного забора, и то и дело задевает об него ногой, а из канавы, которая несется вместе с ним, смотрят на него глаза, полные мольбы и ужаса. И он не боится этих глаз, он только не хочет их видеть, он отворачивается от них. Но куда бы он ни повернулся, глаза, полные мольбы и ужаса, смотрят на него. И вдруг на опушку леса выскакивает Шер-

лок Холмс. Он маленький, толстый человек, с цилиндром на голове, с гладко выбритым лицом и во фраке. Он растопыривает руки и загораживает Лева дорогу и в то же время длинными-длинными руками хватает лежащего в канаве серого человека за горло и тащит к себе его круглую, гладко остриженную голову, на которой два глаза смотрят с мольбой и ужасом.

— Пустите его! — кричит Лева, стараясь отнять у Шерлока Холмса эту круглую голову.

Но Холмс хватается Леву за ногу и ногтями царапает ему колени.

— Лева! Лева! — стонет серый человек.

— Лева! Лева! — громче раздается в его ушах.

Левушка открывает глаза и видит приподнявшегося на своей постели Хоботова,

— Лева, повернитесь на бок! А то вы спите на спине и поэтому стонете, — говорит учитель.

Лева поворачивается на бок и сейчас же начинает скакать мимо бесконечно длинного забора, а за ним на буром иноходце скачет его учитель. И только это уже не Павел Федорович, а Шерлок Холмс. Цилиндр сорвался с его головы, и вместо фрака у него серый арестантский халат. Вдруг лошадь поворачивает к Лева голову и, сердито оскалив зубы, хочет укусить его.

Лева вскрикивает и просыпается.

Хоботов громко похрапывает на своей постели.

«Я хочу видеть глаза», — думает мальчик и засыпает, и сейчас же видит глаза. Они смотрят на него, полные мольбы и ужаса.

— Беги! беги! беги! — шепчет кому-то Лева. — Они побежали к речке. И старик там!..

— Беги, беги, беги! — тоненьким голосом отвечает ему круглая, коротко остриженная голова.

Лева открывает глаза. Свет утра пробивается сквозь ставни.

«Чили, чили, чили!» — слышит Лева, как чиликают воробьи за окном, на карнизе.

«Светаает», — думает Лева, засыпая опять, и спит уже спокойно.

Но утром Лева встал такой же задумчивый и сосредоточенный.

— Ты нездоров? — спрашивает его мама, когда он на веранде пьет молоко.

— Нет, ничего, — отвечает мальчик.

— А беглого-то так и не поймали, — сообщает немного спустя Лева казачок Степа. — Говорят, он за реку ушел.

И Лева почему-то это известие приятно. Он весело бежит через двор к купальне. Но, добежав до реки, он опять задумывается. Это та же самая река, что течет и в уездном городке. Стало быть, «он» ушел туда.

И Лева смотрит на широкую пойму, расстилающуюся по другому берегу речки.

И Лева делается страшно: а вдруг «он» придет к ним в усадьбу и всех, всех их убьет? Он сейчас же вспоминает маленькие серые глаза, смотревшие на него из канавы.

«Нет, он не убьет!» — решает почему-то Лева и чувствует, что какая-то непонятная близость существует между ним и серым человеком с круглой, гладко остриженной головой, и никто на свете не знает об этом.

— Uncle Bill, how do you do? — вдруг слышит он за спиной знакомый голос.

— I am very well, — начинает было Лева, но, обернувшись и не допев последних слов, бросается к деду. — Ты гулять? — спрашивает он его.

— Гулять, — отвечает старик.

— Пойдем вместе.

И Лева, взяв за руку деда и размахивая ею в такт шага, идет рядом с ним.

Некоторое время они идут молча.

— Ну, что хорошего? — спрашивает наконец генерал.

Лева молчит.

— Ты сегодня что-то бледен, — опять заговаривает дед, вглядываясь в лицо внука.

— Нет, ничего, — отвечает тот и потом, после небольшой паузы, начинает: — А вчера из тюрьмы убежал преступ-

ник.

— Знаю, — отзывается генерал.

— И его еще не поймали.

— И это знаю. А вот будь у нас тут этакий, знаешь, Шерлок Холмс, живо бы сцапали голубчика. Не правда ли, Лева, а?

— Нет, не надо! — чуть слышно шепчет Лева.

— Чего не надо?

— Шерлока Холмса не надо.

Дед не без удивления посмотрел на шедшего рядом с ним мальчика.

— То есть, как не надо? — повторил он.

Но Лева, вместо ответа, плотнее прижавшись к старику, вдруг проговорил:

— Я тебе, дед, должен что-то сказать.

— Ну, говори!

И они оба приостановились.

— Сядем, — сказал Лева, указывая на скамеечку, стоявшую на берегу реки.

Лицо Льва Сергеевича приняло озабоченное выражение. Что-то важное почувствовалось ему в тоне ребенка. Он сел на скамейку, а Лева, встав перед ним, сбиваясь и путаясь, рассказал все вчерашнее происшествие.

Генерал слушал его, зорко глядя в глаза мальчику. Потом у старика почему-то задрожала нижняя губа и затряслась рука, лежавшая на плече внука.

— Дед! Скажи мне, как я поступил: хорошо или худо? — спросил Лева, окончив свой рассказ.

Дед сразу ничего не ответил. Он обнял внука, горячо поцеловал его и крепко прижал к груди, и только после этого уже твердо и уверенно сказал:

— Хорошо!

— Почему же хорошо, дед? Ведь, подумай только!.. — начал было мальчик, но старик прервал его:

— Не знаю, почему хорошо, но хорошо!

Затем, встав со скамейки, зашагал дальше. Лева шел с ним рядом.

Они отошли уже довольно далеко, когда генерал вдруг,

совершенно неожиданно, весело расхохотался.

— Ты что это? — спросил Лева, не без удивления поглядывая на деда.

— Да вот, брат! Всегда это так: практика расходится с теорией. Что по теории — хорошо; на практике очень часто никуда не годится. И наоборот. Так-то, брат!

— Отчего же это, дед?

— Оттого, что теория есть создание ума, а практика сплошь да рядом результат порывов сердца.

— А как нужно? — спросил мальчик.

— Как нужно-то? Да как тебе сказать? И ум — хорошо, и без сердца жить невозможно... А впрочем, слушайся больше сердца. Оно — умнее.

— Умнее ума?

— Вот именно, мой голубчик!

* * *

В тот же день, после обеда, на веранде, между стариком генералом Буртасовым, его сыном Александром Львовичем и невесткой Лидией Николаевной завязался опять вчерашний разговор.

Генерал, впрочем, на этот раз почти не возражал. Он только посмеивался в свои седые усы.

— Выбор книг для мальчика в возрасте Левы — вещь крайне затруднительная, — говорила Лидия Николаевна, лениво обмахиваясь веером.

— Да, положительно не знаешь, что и давать ему читать, — в тон жены продолжал Александр Львович. — В специально детских журналах печатается такая бездарная чепуха, что более или менее развитого мальчика можно заставить их читать разве из-под палки. Да и они просто портят изящный вкус у детей. А с другой стороны, вот этикие Конан-Дойли направляют их фантазию в совершенно нежелательную сторону. Они начинают увлекаться...

— Ну, и пусть увлекаются! — перебил его генерал. — Ув-

лечение свойственно молодо...

— Однако! — возразил сын. — Делать себе героя из сыщика Шерлока Холмса, это...

— Не беспокойтесь за вашего сына! Никакие увлечения для него не опасны! У него есть славный якорь, который всегда удержит его от всяких нежелательных увлечений.

— Какой же это якорь? — спросил Александр Львович.

— Честное сердце, — отрезал старик и, надев фуражку, пошел в сад, навстречу бежавшему к нему внуку.

КОММЕНТАРИИ

В. Тихонов. СЫЩИК

Впервые: *Нива. Ежемесячные литературные приложения*. 1902. № 10, октябрь.

В. А. Тихонов (1857-1914) — актер, драматург, беллетрист, журналист. Родился в Казани. Участник русско-турецкой войны 1877-78 гг. Был актером, приказчиком, коммивояжером. С 1882 г. стал профессиональным литератором, печатался в многочисленных периодических изданиях, примыкая при этом к консервативным кругам. Автор рассказов, романов, фельетонов и пр.

С. 74. ...*Ринальдо Ринальдини* — герой популярнейшего в свое время романа немецкого писателя К. А. Вульпиуса (1762-1827) *Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников* (1798).

С. 75. ...*Шиндерганнес* — букв. «Ганс-живодер», прозвище разбойника из Рейнской области И. Бюкнера (ок. 1780-1803), чей образ нередко романтизировался немецкими писателями.

С. 77. ...*Uncle Bill... how are you?* — Дядюшка Билли, как поживаете? Прекрасно, а вы как? (англ.).

С. 81. ...*клеппере* — Клеппер — подпорода лошадей, выведенная в древности на территории Эстонии; с XVII в. эти лошади широко вывозились в северные и центральные губернии России, где повлияли на развитие местных пород.

Оглавление

Дело канадских грабителей: Юмор и сатира

А. Аверченко. Пропавшая калоша Доббльса: (Соч. А. Конан-Дойля)	8
Доктор Саперлипопет. Шерлок Хольмс: (Из тайных документов знаменитого сыщика)	12
О. Чюмина. Взаимное обучение, или Шерлок Хольмс в Малом театре	17
В. Крымов. Из экзотических разговоров	26
А. Бухов. Дело канадских грабителей	28
Long ongle. Шерлок Холмс в Петрограде	35
А. Дикгоф-Деренталь. Дипломат Митька: Даже не факт, а истинное происшествие	42
В. Волженин. Пропавшая кухарка: Новейшее приключение Шерлока Холмса (Из воспоминаний д-ра Ватсона)	51
К. Радек. Величайшее преступление в истории	55
Л. Лагин. Конец карьеры Шерлока Холмса: (Последний рассказ доктора Ватсона)	62

Новелла тайн: Моралисты, критики и аналитики

В. Тихонов. Сыщик	73
М. Маевский. Конан-Дойль: «Приключения сыщика Шерлока Холмса»	93

В. Розанов. Из книги «Опавшие листья»	103
Д. Березкин. Современные кумиры: Очерки современной сыщицкой литературы: Речь к учащемуся юношеству	108
К. Чуковский. Из книги «Нат Пинкертон и современная литература»	129
В. Шкловский. Новелла тайн	141
<i>Губернский Шерлок Холмс: Шерлок à la russe</i>	
А. Амфигеатров. Шерлок Хольмс	165
К. Долин. Фантазер	176
М. Ордынцев-Кострицкий. Губернский Шерлок Холмс	207
В. Шишков. Шерлок Холмс — Иван Пузиков: Шутейные рассказы	229
<i>Приложение</i>	
А. Толстой. Ножницы: Письмо Конан Дойля графу А. Н. Толстому	254
Комментарии	262